

Тысяча и одна НОЧЬ

Том XI

Перевод с арабского
Михаила Салье

ФТМ

Эпосы, легенды и сказания

Тысяча и одна ночь. Том XI

Серия «Тысяча и одна ночь», книга 11

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22071545
Тысяча и одна ночь. Том XI: ФТМ; Москва;
ISBN 978-5-4467-3000-1*

Аннотация

Книга сказок и историй 1001 ночи некогда поразила европейцев не меньше, чем разноцветье восточных тканей, мерцание стали беспощадных мусульманских клинков, таинственный блеск разноцветных арабских чаш.

«1001 ночь» – сборник сказок на арабском языке, объединенных тем, что их рассказывала жестокому царю Шахрияру прекрасная Шахразада. Эти сказки не имеют известных авторов, они собирались в сборники различными компиляторами на протяжении веков, причем объединялись сказки самые различные – от нравоучительных, религиозных, волшебных, где героями выступают цари и везири, до бытовых, плутовских и даже сказок, где персонажи – животные.

Книга выдержала множество изданий, переводов и публикаций на различных языках мира.

В настоящем издании представлен восьмитомный перевод 1929–1938 годов непосредственно с арабского, сделанный

Михаилом Салье под редакцией академика И. Ю. Крачковского
по калькуттскому изданию.

Содержание

Тысяча и одна ночь. Том XI	5
Рассказ об Утбе и Рейе (ночи 680–681)	5
Шестьсот восемьдесят первая ночь	7
Рассказ о Хинд, дочери ан-Нумана (ночи 681–683)	13
Шестьсот восемьдесят вторая ночь	15
Шестьсот восемьдесят третья ночь	18
Рассказ об Икриме и Хузейме (ночи 683–684)	19
Шестьсот восемьдесят четвёртая ночь	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Тысяча и одна ночь. Том XI

Рассказ об Утбе и Рейе (ночи 680–681)

Рассказывают также, что Абд-Аллах ибн Мамар-аль-Кайси говорил: «В каком-то году я совершал паломничество к священному дому Аллаха и, окончив хадж, вернулся, чтобы посетить могилу пророка (да благословит его Аллах и да приветствует!).

И вот, однажды ночью, когда я сидел в саду, между могилой и мимбаром¹, я вдруг услышал слабые стоны, издаваемые нежным голосом. И я прислушался и услышал, что голос говорит:

«Опечален ты плачем голубя, что сидит в кустах, –
Взволновал в груди он твоей заботы и горести?
Или, может быть, огорчился ты, вспомнив девушку,
Что волненьям мысли к душе твоей показала путь?
О ночь моя, что длишься над хворающим –
На любовь и малость терпения он сетует, –
Отняла ты сон от сожжённого любви пламенем,
Что горит под ним, точно уголья горящие,

¹ Могила Мухаммеда находится в городе Медине; «мимбар – кафедра в мечети, с которой имам произносит проповедь. В соответствии с пожеланием Мухаммеда, между его могилой и мединской мечетью разбит красивый сад.

Вот луна свидетель, что страстью я охвачен к ней,
Увлечён любовью к луне подобной я ныне стал.
Я не думал прежде, что я влюблён, пока не был я,
Поражён бедой, и сам не знал об этом я».

И затем голос смолк, и не знал я, откуда доносился он ко мне. Я сидел недоумевая и вдруг тот человек снова начал стонать и произнёс:

«Иль взволнован ты Рейи призраком, что пришёл к тебе,
Когда ночь темна и черны её локоны?
Любовь опять у зрачков твоих с бессонницей,
И душа твоя вновь взволнована видом призрака.
Я крикнул ночи, — а мрак подобен морю был,
Где бьют друг друга волны полноводные:
«О ночь моя, продлилась над влюблённым ты,
Которому поможет только утра луч».
А ночь в ответ: «Не жалуйся, что я длинна,
Ведь поистине нам любовь несёт унижение».

И я поднялся и пошёл в сторону голоса, — рассказывал ибн Мамар, — и говоривший ещё не дошёл до последнего стиха, когда я уже был подле него. И я увидел юношу, до крайности прекрасного, у которого ещё не вырос пушок, и слезы провели по его щекам две борозды...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот восемьдесят первая ночь

Когда же настала шестьсот восемьдесят первая ночь, она сказала: Дошло до меня, о счастливый царь, что Абд-Аллах ибн Мамар-аль-Кайси рассказывал: «И я поднялся при начале стихов и направился в сторону голоса, и говоривший ещё не дошёл до последнего стиха, когда я уже был подле него. И я увидел юношу, у которого ещё не вырос пушок, и слезы провели по его щекам две борозды, и сказал ему: «Прекрасный ты юноша!» И он спросил: «А ты кто, о человек?» И я ответил: «Абд-Аллах ибн Мамар-аль-Кайси». – «У тебя есть нужда?» – спросил юноша, и я сказал ему: «Я сидел в саду, и ничто не тревожило меня сегодня ночью, кроме твоего голоса. Я выкуплю тебя своей душой! Что ты испытываешь?» – «Сядь», – сказал юноша. И когда я сел, он сказал: «Я – Утба ибн аль-Джаббан ибн аль-Мунзир ибн аль-Джамух аль-Ансари. Я пришёл к Мечети Племян и стал совершать ракаты и падать ниц и затем отошёл в сторону, чтобы предаться благочестию, и вдруг подошли женщины, подобные лунам, и посреди них была девушка, редкостно прекрасная, совершенная по красоте. И она остановилась подле меня и сказала: «О Утба, что ты скажешь о сближении с той, кто ищет сближения с тобою?» И затем она оставила меня и ушла, и я не слышал о ней вести и не напал на её след. И вот я теперь в смущении и перехожу с места на место!» И он закричал и

припал к земле, покрытый беспамятством, а когда он очнулся, то казалось, что парча его лица выкрашена варсом². И он произнёс такие стихи:

«Я вижу вас сердцем из далёких, далёких стран;
Увидеть бы – видите ль меня издалека вы!
И сердце моё и глаза горюют о вас теперь,
Душа моя – возле вас, а память о вас – со мной.
Мне жизнь не сладка теперь, пока не увижу вас,
Хотя бы я был в раю и в райских садах навек».

«О Утба, о сын моего брата, вернись к твоему господу и попроси у него прощения твоих грехов. Ведь перед тобою ужасы предстояния», – сказал я ему. Но он воскликнул: «Далеко это! Я не утешусь, пока не вернутся собирающие мимозу»³. И я остался с ним, пока не взошла заря, а потом я сказал: «Пойдём в мечеть». И мы сидели там, пока не совершили полуденной молитвы, и вдруг женщины пришли, но той девушки среди них не было. «О Утба, – сказали они, – что ты думаешь об ищущей с тобою сближения?» И Утба спросил: «А что с ней?» И женщины сказали: «Её отец забрал её и уехал с ней в ас-Самаву». И я спросил женщин, как зовут девушку. И они сказали: «Рейя, доль аль-Гитриффа ас-Сулейми». И тогда Утба поднял голову и произнёс такие два стиха:

² Варс – растение, сок которого является жёлтым красящим веществом.

³ То есть никогда. Поговорка, основанная на предании о двух людях из племени Аиаза, которые ушли собирать мимозу и не вернулись.

«О други, умчалась Рейя утром, и знаю я:
В Самаву направился теперь караван её.
О Други, без памяти теперь от рыданий я,
Найдётся ли у других слеза, чтобы в долг мне дать?»

«О Утба, – сказал я, – я пришёл с большими деньгами и хочу прикрыть ими благородных мужей. Клянусь Аллахом, я израсходую их на твоих глазах, чтобы ты достиг удовлетворения и больше, чем удовлетворения. Пойдём в собрание Ансаров»⁴. И мы пошли и обратились к совету Ансаров, и я приветствовал их, и они хорошо мне ответили, и тогда я сказал: «О собрание, что вы скажете об Утбе и его отце?» – «Он из начальников арабов», – ответили Ансары. И я сказал: «Знайте, что Утба поражён бедствием любви, и я хочу, чтобы вы мне помогли и отправились со мной в ас-Самаву». И Ансары ответили. «Слушаем и повинемся!» И мы с Утбой поехали, и эти люди ехали вместе с нами, пока не приблизились к стану племени Бену-Сулейм. И аль-Гитриф узнал, где мы находимся, и поспешно вышел нас встречать и сказал: «Да будете вы живы, о благородные!» И мы отвечали ему: «И ты да будешь жив! Мы – твои гости!» – «Пусть сойдёте вы в месте благороднейшем, просторном», – сказал аль-Гитриф. И потом он спешился и крикнул: «Эй, рабы, сходите!» И ра-

⁴ Ансарами (буквально: «помощники») называются в истории ислама потомки тех мединцев, которые оказали поддержку Мухаммеду при переселении его из Мекки в Медину.

бы спешили и постлали ковры и циновки и стали резать овец и баранов, но мы сказали: «Мы не попробуем твоего кушанья, пока ты не исполнишь нашу просьбу». – «А какая у вас просьба?» – спросил он, и мы сказали: «Мы сватаемся за твою благородную дочку для Утбы ибн аль-Джаббана ибн аль-Мунзира, возвышенного в славе и прекрасного рода».

«О братья! – ответил аль-Гитриф, – та, за кого вы сватаетесь, сама властна над собою, я пойду и расскажу ей о вашем приходе».

И он поднялся, разгневанный, и вошёл к Рейс, и девушка сказала ему: «О батюшка, отчего это я вижу на тебе следы явного гнева?» И аль-Гитриф молвил: «Прибыли ко мне люди из Ансаров, которые сватают тебя у меня». – «Это благородные люди (прошу прощения для них у пророка, – да благословит его Аллах наилучшим приветом!)» – сказала Рейя. – А кто сватает?» – «Юноша, которого зовут Утба ибн аль-Джаббан», – ответил аль-Гитриф. И Рейя сказала: «Я слышала про этого Утбу, что он исполняет то, что обещает, и достигает того, к чему стремится». – «Клянусь, что я не выдам тебя за него замуж! – воскликнул аль-Гитриф. – Мне донесли кое о чем из твоих с ним разговоров». – «Этого не было, – сказала Рейя, – но я клянусь, что Ансарам не будет отказано дурным отказом. Откажи им хорошо». – «А как?» – спросил аль-Гитриф. И Рейя молвила: «Увеличь приданое – они отступятся». – «Как прекрасно то, что ты сказала!» – воскликнул аль-Гитриф. И он поспешно вышел и сказал: «Девушка

стана согласна, но она хочет для себя приданого, подобно-го ей. Кто о нем позаботится?» И я сказал: «Я!» – говорил Абд-Аллах, и аль-Гитриф молвил: «Я хочу для неё тысячу браслетов из червонного золота, пять тысяч дирхемов, битых в Хаджаре⁵, тысячу одежд-плащей, и полосатых платьев, и пять желудков амбры»⁶. И я сказал: «Будь по-твоему; согласен ли ты?» – говорил Абд-Аллах, и аль-Гитриф ответил: «Согласен!»

И тогда Абд-Аллах послал несколько человек Ансаров в Медину-Осиянную, и те привезли все, что он обязался дать. И зарезали овец и баранов, и люди собрались, чтобы есть кушанье. И мы провели, – говорил Абд-Аллах, – в таком положении сорок дней.

А потом аль-Гитриф сказал: «Берите вашу девушку!» И мы повезли её на носилках, и аль-Гитриф снабдил её тридцатью верблюдами подарков. И затем он простился с нами и уехал, а мы шли до тех пор, пока между нами и Мединой-Осиянной не осталось одного перехода. И тут выехали против нас всадники, чтобы напасть на нас (думаю я, что они были из Бену-Сулейм), и Утба бросился на них и убил нескольких, а потом он склонился набок, получив удар копьём, и упал на землю. И пришла к нам поддержка от обитателей этой местности, и они прогнали от нас тех всадников,

⁵ Хаджар – название нескольких городов и селений в южной Аравии.

⁶ Амбра – легко растворимое вещество с приятным запахом. Обработанная амбра обычно сохраняется в высушенных бараньих желудках.

а Утба окончил свой срок. И мы закричали: «Увы, Утба!» И девушка услышала это и бросилась с верблюда и припала к Утбе и стала горько плакать, и говорила такие стихи:

«Стараюсь я стойкой быть, но стойкости нет во мне,
Я тёшу лишь тем мой дух, что он за тобой пойдёт,
И будь справедливым, он, наверно, бы к гибели,
Он раньше тебя пришёл, и всех обогнал бы он.
Никто, после нас с тобой, с друзьями не справедлив –
Не будет уже душа с душою в согласие жить!»

И она издала единый крик, и срок её окончился. И мы вырыли им одну могилу и закопали их во прахе, и я вернулся в землю моих родичей и прожил семь лет, а затем я возвратился в Хиджаз и вступил в Медину-Осиянную для просвещения и сказал себе: «Клянусь Аллахом, я непременно вернусь к могиле Утбы!»

И я пришёл к ней и вдруг вижу: на ней высокое дерево с красными, жёлтыми и зелёными лентами. «Как называется это дерево?» – спросил я хозяев стоянки. И они сказали: «Дерево жениха с невестой».

И я пробыл на могиле Утбы один день и одну ночь и затем ушёл, и было это последним, что я знал о нем, помилуй его Аллах великий!»

Рассказ о Хинд, дочери ан-Нумана (ночи 681–683)

Рассказывают также, что Хинд, дочь ан-Нумана, была прекраснейшей женщиной своего времени. И её красоту и прелесть описали альХаджжадж, и он посватался за неё, не пожалев для неё больших денег, и женился на ней, обязавшись дать ей, кроме приданого, ещё двести тысяч дирхемов. И он вошёл к ней и оставался с ней долгое время, а затем, в какой-то день, он вошёл к ней, когда она смотрела на своё лицо в зеркало и говорила:

«Поистине Хинд всегда была кобылицей
Арабской, породистой, и вот её мул покрыл.
Кобылу когда родит – от господа дар её,
А если родится мул, то мул и принёс его».

И когда аль-Хаджжадж услышал это» он ушёл обратно и больше не входил к Хинд, а она не знала, что он её слышал. И аль-Хаджжадж пожелал развестись с нею и послал к ней Абд-Аллаха ибн Тахира, чтобы тот её с ним развёл. И Аод-Адлах ибн Тахир вошёл к Хинд и сказал: «Говорит тебе аль-Хаджжадж абу-Мухаммед, что за ним осталось для тебя от приданого двести тысяч дирхемов. Вот они здесь со мной, и он уполномочил меня на развод». – «Знай, о ибн Тахир, –

сказала Хинд, – что мы были вместе, и, клянусь Аллахом, я ни одного дня ему не радовалась, а если мы расстанемся, то, клянусь Аллахом, я никогда не буду горевать. А эти двести тысяч дирхемов – подарок тебе за моё освобождение от сакифской собаки»⁷.

А после этого дошла эта история до повелителя правоверных Абд-аль-Мелика ибн Мервана⁸, и ему описали её прелесть и красоту, и стройность её стана, и нежность её речей, и её любовные взгляды, и он послал к ней, чтобы за неё посвататься...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

⁷ Аль-Хаджадж происходил из племени сакифитов, преобладавших среди населения города Таифа, близ Мекки.

⁸ Абд-аль-Мелик ибн Мерван – халиф из династии Омейядов (правил с 685 по 705 год).

Шестьсот восемьдесят вторая ночь

Когда же настала шестьсот восемьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что повелитель правоверных Абдаль-Мелик ибн Мерван, когда дошла до него весть о красоте этой женщины и её прелести, послал к ней, чтобы за неё посвататься. И она прислала ему письмо, в котором говорила после хвалы Аллаху и молитвы за пророка его Мухаммеда (да благословит его Аллах и да приветствует): «Знай, о повелитель правоверных, что пёс лакал в сосуде».

И когда повелитель правоверных прочитал её письмо, он посмеялся её словам и написал ей слова пророка (да благословит его Аллах и да приветствует!): «Когда полакает пёс в сосуде кого-нибудь из вас, пусть вымоет его одна из них песком семижды.» – И прибавил: – «Смой грязь с места употребления».

И когда Хинд увидела, что написал повелитель правоверных, ей нельзя было ему прекословить, и она написала ему после хвалы Аллаху великому: «Знай, о повелитель правоверных, что я соглашусь на брачный договор только при условии. А если ты спросишь: «Какое это условие?» – я скажу: «Пусть аль-Хадждадж ведёт мои носилки в тот город, где ты находишься, и пусть он будет босой и в той одежде, которую носит».

И когда Абд-аль-Мелик прочитал это письмо, он засмеялся сильным и громким смехом и послал к аль-Хаджжаджу, приказывая ему это сделать, и аль-Хаджжадж, прочитав послание правителя правоверных, согласился, не прекословя, и исполнил его приказание. И потом аль-Хаджжадж послал к Хинд, приказывая ей собираться, и она собралась и села на носилки, и аль-Хаджжадж ехал со своей свитой, пока не подъехал к воротам Хинд. И когда Хинд поехала в носилках и поехали вокруг нее невольницы и евнухи, аль-Хаджжадж спешил, босой, взял верблюда за узду и повёл его. И он шёл с Хинд, и та потешалась над ним и насмеялась и смеялась вместе со своей банщицей и невольницами, а потом она сказала своей банщице: «Откинь занавеску носилок!» И банщица откинула занавеску, и Хинд оказалась лицом к лицу с аль-Хаджжаджем, и она начала над ним смеяться. И аль-Хаджжадж произнёс такой стих:

«И если смеёшься ты, о Хинд, то ведь ночью я
Не раз оставлял тебя без сна и в рыданиях»,
А Хинд отвечала ему таким двустушием:
«Не думаем мы, когда мы душу спасли и жизнь,
О том, что утратили из благ и богатства мы.
Богатства нажить легко, и слава вернётся вновь,
Когда исцелится муж от хвори и гибели».

И она смеялась и играла, пока не приблизилась к городу халифа, а прибыв в этот город, она бросила на землю динар и

сказала аль-Хаджжаджу: «О верблюжатник, у нас упал дирхем; посмотри, где он, и подай его нам». И альХаджжадж посмотрел на землю и увидел только динар и сказал женщине: «Это динар». – «Нет, это дирхем», – сказала Хинд. «Нет, динар», – сказал аль-Хаджжадж. И Хинд воскликнула: «Хвала Аллаху, который дал нам вместо павшего дирхема динар⁹. Подай нам его!» И аль-Хаджжаджу стало стыдно. И потом он доставил Хинд во дворец повелителя правоверных Абдаль-Мелика ибн Мервана, и она вошла к нему и была его любимицей...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

⁹ В арабском оригинале слово, переведённое нами, «павший» имеет также значение «низкий» и «недостойный». Этой игрой слов Хинд хочет сказать, что Аллах вместо недостойного аль-Хаджжаджа даёт ей в мужа благородного халифа.

Шестьсот восемьдесят третья ночь

Когда же настала шестьсот восемьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, что Хинд, дочь ан-Нумана, стала любимицей повелителя правоверных, но это не удивительней» чем история об Икраме и Хуэейме.

Рассказ об Икриме и Хузейме (ночи 683–684)

Дошло до меня, о счастливый царь, что был в дни повелителя правоверных Сулеймана ибн Абд-аль-Мелика¹⁰ один человек по имени Хузейма ибн Бишр из племени Бену-Асад. Он отличался явным благородством и имел обильные блага и был милостив и благодетелен к друзьям, и он пребывал в таком положении, пока не обессилило его время и не стал он нуждаться в своих друзьях, которым он оказывал милости и помогал деньгами. И они помогали ему некоторое время, а потом это им наскучило. И когда Хузейме стала ясна их перемена к нему, он пошёл к своей жене (а она была дочерью его дяди) и сказал ей: «О дочь моего дяди, я вижу в моих братьях перемену, и я решил не покидать дома, пока не придёт ко мне смерть». И он заперся за дверями и питался тем, что у него было, пока запасы его не кончились, И тогда Хузейма впал в недоумение.

А его знал Икрима-аль-файяд ар-Рибби, правитель аль-Джезиры. И когда он однажды сидел в своей приёмной зале, вдруг вспомнили Хузейму ибн Вишра, и Икрима-альфайяд спросил: «В каком он положении?» – «Од дошёл до положения неопишемого, – ответили ему, – запер ворота и не по-

¹⁰ Сулейман ибн Абд-аль-Мелик – омейядский халиф (правил с 715 по 717 год).

кидает дома». И сказал Икрима-аль-файяд: «Это случилось с ним только из-за его великой Щедрости! И как не находит Хузейма ибн Бишр помощника и приносящего поддержку!» – «Он не нашёл ничего такого», – сказали присутствующие. И когда наступила ночь, Икрима пошёл и взял четыре тысячи динаре» и положил их в один кошелёк потом он велел оседлать своего коня и вышел тайком от родных и доехал с одним из своих слуг, который вёз деньги. И он ехал, пока не остановился у ворот Хузеймы, а потом он взял у своего слуги мешок и, приказав ему удалиться, подошёл к воротам и сам толкнул их.

И Хузейма вышел, и Икрима подал ему мешок и сказал: «Исправь этим своё положение». И Хузейма взял мешок и увидал, что он тяжёлый, и, выпустив его из рук, схватился за узду коня и спросил Икриму: «Кто ты, да будет моя душа за тебя выкупом?» – «Эй, ты, – сказал Икрима, – я не потому приехал к тебе в подобное время, что хочу, чтобы ты узнал меня». – «Я не отпущу тебя, пока ты не дашь мне себя узнать», – сказал Хузейма. И Икрима сказал: «Я – Джабир-Асарат-аль-Кирам»¹¹. – «Прибавь ещё!» – сказал Хузейма, и Икрима ответил: «Нет!» И уехал.

А Хузейма вошёл к дочери своего дяди и сказал ей: «Радуйся, принёс Аллах близкую помощь и благо. Если это дирхемы, то их много. Встань зажги светильник». – «Нет пути

¹¹ Джабир-Асарат-аль-Кирам – это вымышленное имя означает – исправляющий оплошности великодушных.

к светильнику», – сказала его жена. И Хузейма провёл ночь, глядя мешок рукой, и чувствовал твёрдость динаров и не верил, что это динары.

Что же касается Иkrimы, то он вернулся домой и увидел, что его жена хватилась его и спрашивала о нем. И когда ей сказали, что он уехал, она заподозрила его и усомнилась в нем. «Правитель аль-Джезиры выезжает, когда прошла часть ночи, один, без слуг и тайно от родных только к другой жене или к наложнице» – я сказала она Иkrimе. И тот ответил: «Знает Аллах, что я ни к кому не выезжал». – «Расскажи мне, зачем ты уезжал», – сказала жена Иkrimы. И он молвил: «Я выехал в такое время лишь для того, чтобы никто обо мне не знал». – «Неизбежно, чтобы ты мне рассказал!» – воскликнула жена Иkrimы, и тот спросил: «Сохранишь ли ты тайну, если я расскажу тебе?» – «Да», – ответила его жена. И Иkrimа рассказал ей в точности всю историю и то, что с ним было, и спросил: «Хочешь ли ты, чтобы я ещё тебе поклялся?» – «Нет, нет, – сказала его жена, – моё сердце успокоилось и доверилось тому, что ты говоришь».

Что же касается Хузеймы, то он утром помирился с заимодавцами и исправил своё положение, а затем он стал собираться, желая направиться к Сулейману ибн Абд-аль-Мелику (а тот находился в те дни в Палестине). И когда Хузейма остановился у дверей халифа и попросил позволения войти у его царедворцев, один из них вошёл к Сулейману и рассказал, где находится Хузейма, – а он был знаменит своим бла-

городством, и Сулейман знал об этом. И он позволил Хузейме войти, и тот, войдя, приветствовал его, как приветствуют халифов, и Сулейман ибн Абд-аль-Мелик сказал ему: «О Хузейма, что задержало тебя вдали от нас?» – «Плохое положение», – ответил Хузейма. «Что же помешало тебе отправиться к нам?» – спросил халиф. «Слабость, о повелитель правоверных», – ответил Хузейма. «А на что же ты поднялся теперь?» – спросил Сулейман. И Хузейма ответил: «Знай, о повелитель правоверных, что я был у себя дома, когда уже прошла часть ночи, и вдруг постучал в ворота какой-то человек, и было у меня с ним такое-то и такое-то дело».

И он рассказал халифу всю историю, с начала и до конца, и Сулейман спросил: «А ты знаешь этого человека?» – «Я не знаю его, о повелитель правоверных, – ответил Хузейма, – и это потому, что он был переодет, и я услышал от него только слова: «Я Джабир-Асарат-аль-Кирам». И Сулейман ибн Абд-аль-Мелик запыхал и загорелся желанием узнать этого человека и сказал: «Если бы мы его знали, мы бы вознаградили его за его благородство!»

И потом он привязал Хузейме ибн Бишру знамя¹² и назначил его наместником аль-Джезиры вместо Икримыль-Файяда. И Хузейма выехал, направляясь в аль-Джезиру. И когда он приблизился к ней, Икрима вышел его встречать, и жители аль-Джезиры тоже вышли ему навстречу, и правители

¹² То есть вручил ему военную (а не только гражданскую) власть над порученным ему наместничеством.

приветствовали друг друга и ехали вместе, пока не вступили в город.

И Хузейма остановился в Доме Эмирата и велел взять с Икримы обеспечение и потребовал у него отчёта. И с Икримой свели счета, и оказалось, что за ним большие деньги, и Хузейма потребовал, чтобы Икрима их отдал. И Икрима сказал: «Нет мне ни к чему пути». – «Отдать деньги неизбежно», – сказал Хузейма. Но Икрима отвечал: «У меня их нет, делай то, что сделаешь». И Хузейма приказал отвести его в тюрьму...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот восемьдесят четвёртая ночь

Когда же настала шестьсот восемьдесят четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Хузейма велел заточить Икриму-аль-Файяда и послал к нему, требуя с него то, что за ним осталось, Икрима послал ответить ему: «Я не из тех, кто охраняет деньги ценой своей чести: делай что хочешь».

И Хузейма велел заковать ему ноги в железо и посадить его в тюрьму. И он оставался там месяц или больше, так что это его изнурило, и заточение повредило ему. И весть о нем дошла до дочери его дяди, и она до крайности огорчилась и, позвав к себе одну из своих вольноотпущенниц, обладавшую обильным разумом и знаниями, сказала ей: «Пойди сейчас же к воротам эмира Хузеймы ибн Бишра и скажи ему: «У меня есть совет». И если кто-нибудь спросит тебя о нем, скажи: «Я скажу его только эмиру». И когда ты войдёшь к нему, попроси у него уединения. А оставшись с ним наедине, скажи ему: «Что это за дело ты сделал? Ты вознаградил Джабира-Асарат-аль-Кирама, только воздав ему жестоким заточением и стеснением в оковах».

И женщина сделала то, что ей было приказано, и когда Хузейма услышал её слова, он воскликнул во весь голос: «Горе мне! Это действительно он?»

«Да», – ответила женщина. Хузейма велел тотчас же привести своего коня, и когда его оседлали, призвал всех вельмож города и, собрав их у себя, подъехал к воротам тюрьмы. И их отперли, и Хузейма, и те, кто был с ним, вошли в тюрьму и увидели, что Икрима сидит, и вид его изменился, и он изнурён побоями и болью. И когда Икрима увидел Хузейму, ему стало стыдно, и он опустил голову, а Хузейма подошёл и припал к его голове, целуя её, и тогда Икрима поднял голову и спросил: «Что вызвало у тебя это?» И Хузейма ответил: «Благородство твоих поступков и моё дурное возмещение». – «Аллах да простит нам и тебе», – сказал Икрима. Хузейма приказал тюремщику снять оковы с Икримы и наложить их ему самому на ноги. «Что это ты хочешь?» – спросил Икрима, и Хузейма сказал: «Я хочу, чтобы мне досталось то же, что досталось тебе». – «Заклинаю тебя Аллахом, – воскликнул Икрима, – не делай этого!» И затем они вышли вместе и дошли до дома Хузеймы, и Икрима простился с ним я хотел уходить, но Хузейма удержал его от этого. «Чего ты хочешь?» – спросил Икрима. «Я хочу изменить твой вид: стыд мой перед твоей женой сильнее моего стыда перед тобою», – сказал Хузейма. И он велел освободить баню, и когда её освободили, Хузейма с Икримой вошли туда вместе, Хузейма сам стал прислуживать Икриме. И затем они вышли, и Хузейма наградил Икриму роскошной одеждой и посадил его на коня и велел нагрузить на него большие деньги» И он поехал вместе с ним к его дому и по-

просил позволения извиниться перед его женой и извинился перед нею, а потом он попросил Икриму отправиться с ним к Сулейману ибн Абд-аль-Мелику, который находился в те дни в ар-Рамле¹³. И Икрима согласился на это, и они поехали вместе и прибыли к Сулейману ибн Абд-аль-Мелику, и царедворец вошёл к нему и осведомил его о прибытии Хузеймы ибн Бишра. И это испугало халифа, и он воскликнул: «Разве правитель аль-Джезиры может явиться без нашего приказания! Такое – только из-за великого случая». И он позволил Хузейме войти, и когда тот вошёл, халиф сказал ему, прежде чем его приветствовать: «Что позади тебя, о Хузейма?» – «Благо, повелитель правоверных», – отвечал Хузейма. «Что же привело тебя?» – спросил халиф. И Хузейма ответил: «Я овладел Джабиром-Асарат-аль-Кирам, и мне захотелось порадовать тебя им, так как я видел, что ты горишь желанием его узнать и стремишься его увидеть». – «Кто же это?» – спросил халиф, и Хузейма ответил: «Икрима-аль-Файяд». И Сулейман позволил ему приблизиться, и Икрима подошёл к нему и приветствовал его как халифа. И Сулейман сказал ему: «Добро пожаловать!» И приблизил его к своему трону и сказал: «О Икрима, твоё благодеяние ему было для тебя лишь бедою. Напиши на бумажке о всех твоих заботах и о том, в чем ты нуждаешься», – сказал потом

¹³ Ар-Рамла-один из значительнейших городов Палестины, основан Сулейманом ибн Абд-аль-Меликом, в то время наместником Палестины. Сделавшись халифом, он часто жил в нём.

Сулейман. И когда Икрима сделал это, халиф велел исполнить все тотчас же и приказал дать ему десять тысяч динаров, сверх тех нужд, о которых он написал, и двадцать сундуков одежды вдобавок к тому, что было им написано. А потом он велел подать копье и, привязав для Икримы знамя, назначил его наместником аль-Джезиры, Армении и Азербайджана. «Дело Хузеймы перешло к тебе, – сказал халиф Икриме, – если хочешь, ты оставишь его, а если хочешь – отстранишь». – «Нет, я верну его на место, о повелитель правых», – сказал Икрима. И затем Икрима с Хузеймой ушли от халифа вместе, и они были наместниками Сулеймана ибн Абд-аль-Мелика во все время его халифата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.